21 февраля (6 марта)

Священномученик

Григорий Хлебунов

Священномученик Григорий родился в 1873 году в селе Большое Шуватово Корсунского уезда Симбирской губернии в крестьянской семье Никиты и Татьяны Хлебуновых. Образование он получил в сельской школе, остальное дополнилось самообразованием и полученным в семье христианским воспитанием.

С 3 февраля 1913 года Григорий Никитич стал исполнять обязанности псаломщика в Александро-Невском храме села Пады (ныне Поды) Черноярского уезда Астраханской губернии и 10 июля 1915 года был утвержден штатным псаломщиком этого храма. 26 июня 1917 года он уволился за штат.

Он принял решение послужить Богу и Его Святой Церкви в самый разгар антирелигиозных гонений, когда многие из пастырей стали отказываться от священнического служения, и в 1921 году был рукоположен во священника. Два года он прослужил в храмах города Астрахани, а с 1923 года стал служить в храме Рудненской иконы Божией Матери в селе Началово Астраханской области.

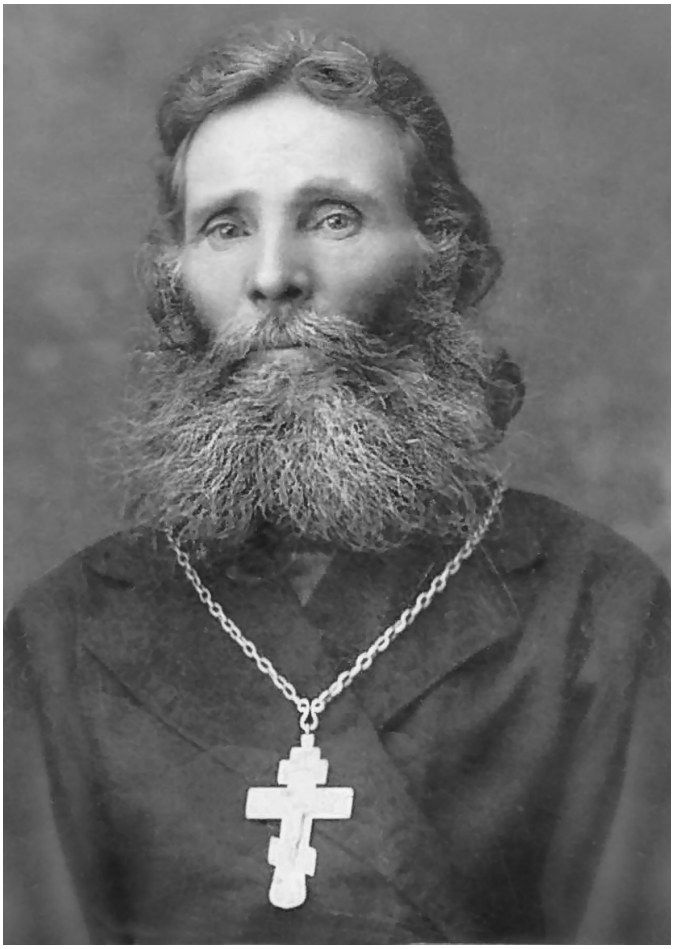
Приехав в село, отец Григорий сразу же стал узнавать, кто из прихожан верен православию, а кто готов перейти к обновленцам, которые активно тогда поддерживались властями. С этим вопросом он стал обходить дома крестьян. Председателю сельсовета показалось подозрительным, что священник ходит к крестьянам, что-то у них спрашивает и что-то записывает, и он попросил прокурора области открыть против священника уголовное дело, как он написал, о «преднамеренном действии в интересах противосоветского лагеря». Материалов для обвинения отца Григория оказалось недостаточно, и дело было прекращено.

Ревностный пастырь и мужественный проповедник, горячий сторонник религиозного просвещения, отец Григорий собрал у себя в доме небольшую библиотеку духовных книг и давал их прихожанам, чтобы они могли утолить духовный голод не только в храме, но и дома, читая их со своими близкими.

В 1929 году началась коллективизация. Уничтожались крестьянские хозяйства, ломался сложившийся десятилетиями крестьянский быт. Всё это сопровождалось беспощадными гонениями на Церковь и невольно прождало устрашающие слухи о том, что коммунисты готовят впереди нечто худшее, что они всё и всех обобществят, чтобы устроить на земле принудительный рай. Перед лицом этих испытаний стала умножаться и вера – храм в селе Началове стал понемногу наполняться молящимися, чему способствовала частая проповедь отца Григория за богослужением. В Крещенский сочельник, 18 января 1930 года, власти устроили в селе собрание, на котором постановили снять колокола и отправить их на переплавку. Присутствующие на собрании жители с этим не согласились, в чем власти тут же усмотрели результат деятельности священника.

После праздника Богоявления секретарь партийной ячейки отправил заявление уполномоченному ОГПУ по Астраханскому району, в котором писал, что, «выполняя партийную работу, а также работу, направленную на проведение мероприятий партии и советской власти, в особенности по вопросу сплошной коллективизации», он стал замечать, что вокруг священника Григория Хлебунова собралась группа кулаков; «в результате их работы на всех общественных собраниях высказывались явные антиколхозные выступления, исходящие от лиц,

теснейшим образом связанных с церковью». И далее в своем заявлении он перечислил имена жителей села Началова, включая священника, которыми, по его мнению, должно было вплотную заняться ОГПУ.

Священник Григорий Хлебунов

3 февраля 1930 года отец Григорий и крестьяне, названные секретарем, были арестованы. Во время обыска в доме священника нашли вырезку из газеты с речью австрийского министра иностранных дел и несколько писем от частных людей. В одном из них сообщалось о некоем страннике Иване Ивановиче, о котором архиепископ Астраханский Фаддей (Успенский) отзывался с похвалой.

На вопрос следователя о найденном, отец Григорий сказал: «В отношении обнаруженной в настольной книге житий святых, употребляемой мной ежедневно перед молитвой, вырезки из газеты с речью министра иностранных дел, поносящего в ней III Интернационал и советское правительство... я сказать ничего не могу, так как не знаю, откуда она у меня, – очевидно, еще со времен службы в Астрахани или же вложена кем-либо из читателей моих книг... Точно сказать, кто берет у меня книги, я затрудняюсь, так как записи не веду, а их, читателей, много... Что же касается моих связей в селе Началове, то я их почти не имею, отдавшись службе и обязанностям по ней».

После допроса отец Григорий был переведен в тюрьму при Астраханском ОГПУ и здесь снова допрошен. Отвечая на вопросы следователя, он заявил: «Дополнить мною сказанное при допросе в селе Началове... я не могу, но, подтверждая еще раз мною данные и верно записанные в протоколе допроса показания, заявляю, что автора письма, в котором рекомендуется некто странник

Иван Иванович, он же старец Иван, хорошим человеком, я абсолютно не знаю... Странник Иван был у меня за все разы не подолгу, попьет чаю и уходит... Но откуда он, где живет и кто он по роду занятий, я не знаю... Произвел на меня впечатление толкового человека, бывавшего широко по свету, посетившего Афон и другие места. Разговоры у нас с ним были только на религиозные темы, и каких-либо вредных, с точки зрения существующей власти, мыслей он, как и я, не касались... Больше показать ничего не могу и не покажу ни при каких условиях, считая грехом говорить о других».

Тем временем служба в храме в связи с арестом отца Григория прекратилась, и церковный совет, предварительно заручившись согласием районного исполнительного комитета, пригласил из Астрахани священника Петра Цветкова. Но чтобы начать служить, надо было стать на учет в сельсовете, и сотрудник сельсовета пообещал зарегистрировать священника на следующий день. Получив устное согласие представителя власти, как оказалось впоследствии ничего не стоящее, один из членов церковного совета попросил священника отслужить всенощную под праздник Сретения без регистрации. Всенощная была отслужена, но прихожан обвинили в проведении службы без регистрации – и священник, и члены церковного совета были арестованы.

Утром 15 февраля перед зданием сельсовета собралась толпа человек в триста, в основном женщин, которые стали требовать освобождения священника и членов церковного совета. Астраханское ОГПУ нашло действия местных властей слишком решительными, и арестованные были освобождены. Но освобождение не коснулось ни отца Григория, ни арестованных вместе с ним крестьян.

Власти в Началове тогда делали всё, чтобы чем-либо унизить крестьян. Заместитель председателя сельсовета, например, вывесил в сельсовете угрожающее объявление: «В совете всем лишенцам стоять без дела строго воспрещается. Если заметим – будут арестованы».

На 22 февраля 1930 года власти наметили выселение из Началова всех семей зажиточных крестьян, так называемых лишенцев, с последующим разграблением их имущества. В связи с выселением, а также с предшествовавшими этому арестами обстановка в селе достигла крайнего напряжения.

Вечером 22 февраля, когда местные партийные руководители собрались в здании сельсовета, его окружила толпа крестьян, намеренных не допустить изгнания односельчан. Один из жителей отобрал ключи у церковного сторожа и, взобравшись на колокольню, ударил в набат. Со всех концов села к сельсовету устремились люди. Некая женщина, схватив багор, оборвала протянутые между столбами телефонные провода. Часть толпы направилась во двор сельсовета. Пролилась кровь – были убиты два члена сельсовета. Проникнув в здание, крестьяне стали избивать всех находившихся внутри, а тех, кто выпрыгивал в окно, били стоявшие снаружи. Мятеж против советской власти и коммунистов продолжался около двух часов. Шесть человек были убиты и десять ранены, здание сельсовета было разгромлено, и уничтожены все находившиеся в нем документы. Советская власть в селе Началове прекратила свое существование.

На село опустилась тревожная зимняя ночь. Восставшие понимали, что власти не замедлят с ответом и пришлют карательный отряд. Кто-то советовал встретить его в открытом сражении, кто-то потихоньку стал покидать село.

Наутро прибыл отряд карателей, начались аресты и допросы. Следствие, по которому проходили обвиняемыми сорок три человека, велось в экстренном

порядке и через четыре дня после восстания было завершено. В число обвиняемых были включены и те, кто был арестован до мятежа, и среди них священник Григорий Хлебунов, хотя он был не причастен к восстанию и у сотрудников ОГПУ не было никаких доказательств.

В обвинительном заключении они написали: «...на почве выселения кулацких хозяйств в селе Началове... произошло вооруженное восстание, в результате которого были зверски убиты шесть человек членов партии активистов-батраков и десять человек тяжело ранено. Убийством и ранением выведена из строя вся руководящая часть села... Данными следствия установлено, что, несмотря на то, что выступление 22 февраля произошло стихийно, подготовка к такому выступлению против советской власти со стороны указанных лиц велась давно... В деле подготовки выступления руководящую роль играли попы и церковники...»

28 февраля тройка ОГПУ приговорила священника Григория Хлебунова и тринадцать крестьян к расстрелу. Отец Григорий был расстрелян 6 марта 1930 года в пригороде города Астрахани и погребен в безвестной общей могиле.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Февраль». Тверь. 2005. С. 336-341